

В. Ф. Ходасевич

"Пушкин в жизни"

(По поводу книги В. В. Вересаева)

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Пушкин всегда возбуждал и будет возбуждать интерес не только как поэт, но и как человек. Это оправдывается всем: и значением Пушкина, одного из величайших людей России, и резким своеобразием его житейского облика, и (главное) тем, что его жизнь чрезвычайно тесно и слитно связана с творчеством. Потому-то едва ли не каждый исследователь, желавший уяснить себе *творчество* Пушкина, в конце концов фатально становился, хотя бы отчасти, -- его биографом. (Я оставляю в стороне так называемых формалистов. Для них, действительно, жизнь Пушкина не представляет интереса; но это потому, что *по существу* им так же точно нелюбопытно и его творчество: они исследуют лишь фактуру письма.)

У нас любят жаловаться на то, что мы до сих пор не имеем обстоятельной, полной и научно обоснованной биографии Пушкина. Но жаловаться и упрекать легко, сделать трудно. Мне кажется, вовсе не прославленная российская лень тут виною. Взять хотя бы Лернера, можно сказать -- положившего всю жизнь на изучение прежде всего именно биографии Пушкина. Кто посмел бы упрекнуть его в лености? А меж тем -- связной биографии Пушкина он не написал, даже и не принимался за нее. И он, как все пушкинисты, прежде всего как будто разбрасывается: от замечательно сделанной (несмотря на все недочеты) биографической канвы к изучению рукописей, от рукописей -- к работам чисто критическим (которые ему не удаются). Это кажущееся метание из стороны в сторону надо объяснить и оправдать тем, что каждый, кто пытался всерьез поработать о Пушкине, -- либо ясно сознает, либо хоть верхним чутьем слышит: нельзя написать "голую" биографию Пушкина, не связанную с историей и смыслом его творчества, -- так же, как это творчество непостижимо, нерасшифровываемо вне связи с биографией. Это две вещи нерасторжимые.

Говорят: ненаучно критику становиться биографом, ненаучно биографу опираться на творчество. Может быть, это вообще и так, то есть часто бывает так, -- но в применении к Пушкину это все-таки не так. Когда дело идет о Пушкине, надо сказать иначе: не "ненаучно", а трудно, сложно, даже опасно -- но неизбежно, потому что обстоятельства к этому ведут сами, несмотря на все теории. В изучении Пушкина ненаучно (потому что приводит к ошибкам) отделять жизнь от творчества. Исследователь пушкинского творчества, ради "научности" отвертывающийся от биографии, похож на химика, который вздумал бы "не считаться" с физикой.

Нельзя быть фетишистами метода. Во всяком изучении наиболее научен тот прием, который наиболее вскрывает истину. В известной степени иногда безразлично, например, к какой именно женщине относится то или другое из любовных стихотворений Пушкина: смысл и значение стихов от этого не меняется. Но ведь есть у Пушкина вещи, без "биографии" просто непостижимые или постижимые как раз неверно, до полного искажения. Простейший пример -- "Граф Нулин". Без автобиографического комментария, случайно оставленного самим Пушкиным, -- "Граф Нулин" есть просто "шалость", более или менее изящная и более или менее дешевая. С комментарием повесть вдруг обретает большой философский смысл сама по себе, а к тому же многое освещает в других писаниях Пушкина. Но замечательно, что и сам пушкинский комментарий требует комментария в двух направлениях: на тему о связи Пушкина с декабристами и на тему о суевериях. Гершензон, впервые обративший внимание на заметку Пушкина о "Нулине", полагал, что открыл истинное понимание повести. На самом деле он еще только открыл путь к пониманию: о "Нулине" мы еще далеко не всё знаем.

Допустим, однако, что колоссальная по трудности работа сделана и в один прекрасный день появляется труд, сочетающий биографию Пушкина, основанную на абсолютно достоверных, точнее установленных фактах, собранных с исчерпывающей полнотой, -- с весьма глубоким проникновением в дух и смысл пушкинского творчества. Будет ли эта биография "канонической" и обязательной? Разумеется, нисколько, ибо лишь голые факты в ней будут неоспоримы. Но освещение фактов, но приданное им в книге значение, но -- главное -- их влияние на творческую личность Пушкина, а отсюда и самое истолкование творчества -- все это будет вполне оспоримо, как субъективное, и фактически,